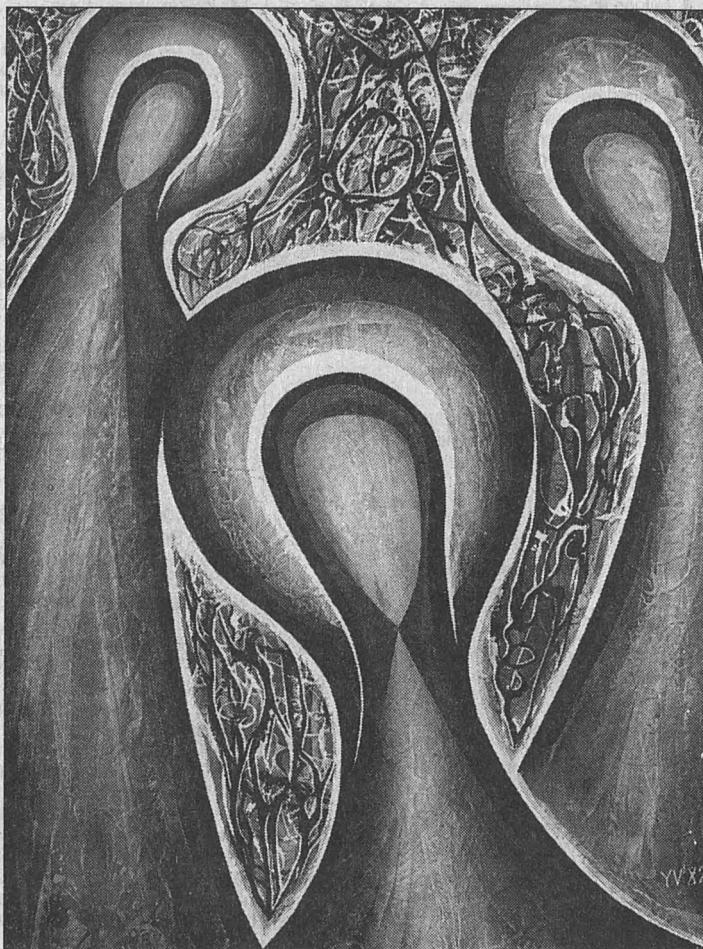

Окна "Кудотюра-2001.-28 июня-4 июля." Р.5 "Другого искусства"

Выставка Якова Виньковецкого в Государственном институте искусствознания

Выставки-открытия неизвестных имен круга нонконформистов происходят не то что нечасто, но уже почти немислимы. Все персоналии, казалось бы, известны, творческие пути исчислены. Тем не менее имя Якова Виньковецкого, о котором много говорилось на рубеже 70 – 80-х как об одном из интереснейших, глубоко проблемных художников среды "другого искусства", почти на 20 лет в России было забыто напрочь. Это подлинное возвращение почти утраченного для истории искусства звена, которым мы в первую очередь обязаны людям, хранившим наследие и память о художнике на протяжении многих лет, гражданам Америки, но русским душою, – вдове художника писательнице Диане Виньковецкой и крупному ученому Леониду Перловскому. Они вместе с куратором экспозиции профессором Игорем Светловым и стали организаторами выставки. По сути, речь идет о чем-то гораздо более значительном, нежели первое персональное представление неизвестной доселе русскому зрителю живописи. Ибо Виньковецкий был поистине человеком "ренессансным" по многосторонности созданной им картины мира. Ученый-кристаллограф и минералог, первоначально приобретший известность даже не как художник, но как поэт и философ (недаром эта акция была удостоена внимания его лучших друзей – знаменитых барда Александра Городницкого и театрального режиссера Петра Фоменко), после своей эмиграции он оказался одной из главных фигур в арт-мире. Прославился благодаря синтезу практически несводимых вместе противоположностей в уникальных союзах. На неболших по формату холстах Виньковецкого обрели единство отчаянно раскованный жест Поллока и аналитические, "атомарные" построения Филонова, рафинированный геометризм Мондриана и радикальные устремления Малевича. Знак и плоскость древнерусской иконы оказалось возможным помножить на возрожденческую глубинную перспективу. В целом его

"Композиция". 1982 г.

живопись характеризует романтический, столь узнаваемый для его времени альянс – мышления фантаста, сдерживаемого обстоятельностью ученого. Именно на фоне выставок Филонова и Уорхола это камерное событие приобретает особое звучание. При этом оно, безусловно, занимает свое, значительное, корректирующее место в пространстве второй половины века. Во многом двигаясь против течения (что как раз и характеризует некий "русский путь" в искусстве, если уж такового доискиваться),

Виньковецкий в своих теоретических текстах объявил это пространство световым, а доказательством сделал серии тончайше проработанных холстов. Их отличают какое-то феноменальное упорство, совершенно противоположное вошедшей в легенду поллоковской спонтанности, и предельная ясность в передаче идеи. Достоверность той степени, когда в нее веришь, как в безусловное явление природы. Декоративность, эстетика красоты в чистом, так сказать, виде здесь присутствуют, но лишь

как внешний, наиболее притягательный глазу элемент. Важнее иллюзорная разница пространств в его полотнах, которая и создает подлинную остроту, – словно на блюдаешь за сверхчувственным, влекущим за пределы мира сквозь непреодолимую черную решетку – знак скованности, но и знамение прорыва. Это творческий эксперимент, почти дословно иллюстрирующий метафору "через тернии к звездам" и в чем-то оказывающийся сродни даже новейшей компьютерной графике. На рубеже 70 – 80-х о Виньковецком упоминалось в зарубежных и самиздатовских публикациях о современном русском искусстве. Затем, с его преждевременным трагическим уходом из жизни в 1985 году, художника практически вычеркнули из бытия "другого искусства". Но выставка в ГИИ – как закономерность: немислимо удалить из истории подобную фигуру. Вначале целиком принадлежа шестидесятичеству со всем его трагизмом, свободной безудержностью авторского жеста (на выставке представлена графика этого периода), после эмиграции в Америку в 1975 году Виньковецкий обрел совершенно иной взгляд, язык выражения. Редчайший случай: эмигранты, как правило, либо "сдувались", либо продолжали механически культивировать прежние наработки, перепаживать уже "пройденную" почву. Виньковецкому же удалось превратить в систему, почти даже в науку и духовную практику то, что было для большинства дотолем лишь спутанным клубком художественных эмоций. Выставка в Москве – жест признания истории искусства предыдущего столетия без белых пятен и досадных пробелов, важная акция в преддверии грядущей глобальной экспозиции русского абстрактного искусства от начала до наших дней, готовящейся совместно Третьяковской галереей и Русским музеем.

Сергей ПОПОВ